

Содержание

Предисловие	6
Введение. История слов	11
1. Революционные собрания, или фальстарт	13
2. Реставрация: зарождение французской парламентской традиции	25
3. Эра масс: от топографии палат к категориям идентичности	37
<i>Язык электоральный, язык парламентский</i>	40
<i>Разделение и единство</i>	46
<i>Участник и наблюдатель</i>	55
<i>Выйти за рамки конфликта</i>	60
4. Время крайних и сакрализация разделения	64
<i>Левые: коммунистическая апроприация</i>	65
<i>Правые: отрицание как подтверждение</i>	71
5. Логика укоренения	76
<i>Три левые и три правые партии</i>	80
<i>Новое и неизменное</i>	83
<i>Итог многолетней истории</i>	90
6. О дуалистической организации современных обществ	93
<i>Конец исключительности</i>	93
<i>Символическая функция разделения</i>	99
Заключение. Универсальное и особенное	118
Послесловие	121
<i>Идеологический плюрализм, политическое разделение</i>	123
<i>Релятивизация</i>	127
<i>Смута на левом фланге</i>	127
<i>Смута на правом фланге</i>	130
<i>Новая смена?</i>	132
<i>Сопровождение</i>	135
<i>Воплощение политики</i>	137

Предисловие

Исследование, которое предлагается вниманию читателей, впервые вышло в свет как статья в составе третьего тома сборника «Места памяти. Разные Франции», а точнее, в составе его первой части «Конфликты и разделы». В самом деле, как можно было говорить о французской памяти, не рассказав об этой паре слов, за которой встает история, полная политических баталий и непримиримых конфликтов? Оппозиция правых и левых впитала в себя противостояния, создавшие нашу демократию, какой мы ее знаем. Все начинается с Французской революции и борьбы между адептами Старого порядка и сторонниками революционных преобразований. Эта борьба продолжается в форме многолетнего соперничества между монархистами и республиканцами, которое сменяется борьбой клерикалов и антиклерикалов, а затем возрождается в виде оппозиции буржуа и пролетариев, — это если перечислять только самые явные этапы. Иначе говоря, эти два привычных слова: «правые» и «левые» — резюмируют всю историю французских политических разногласий.

Но помимо исторического аспекта разговор об этих двух понятиях предполагает и постановку проблемы более общей и более теоретической, а именно вопроса о том, как формируются политические идентичности. Правое и левое — это не просто удобные, упрощающие этикетки, которые позволяют разобраться в плюрализме мнений, существующих только внутри Франции. Эти два понятия сделали неотъемлемой частью всеобщего словаря современной демократии; они приобрели статус главных опознавательных знаков, с помощью которых граждане определяют свое место в политическом поле и свое отношение к разделам, без которых немыслима представительная

демократия. Быть гражданином в сегодняшней демократической стране — значит так или иначе, изблизи или издалека, активно или пассивно быть правым или левым — или не желать быть ни тем, ни другим, а это еще один способ определить свою позицию относительно указанной альтернативы. Именно вопрос о том, как во французском обществе сформировался этот опознавательный знак, и лежит в центре нашего исследования.

Оно не сводится к перечислению тех смыслов, какие французы на разных этапах своей истории вкладывали в понятия «правое» и «левое». Его цель — понять, почему именно эти, а не другие слова пригодились для выражения основополагающего раздела, впитавшего в себя множество противоборствующих мнений и сил. Оно призвано осветить обстоятельства, благодаря которым то, что изначально было всего лишь формой классификации парламентских фракций, превратилось в средство структурирования электорального процесса, а следовательно, предоставило гражданам самый простой способ определять собственное место в пространстве демократического выбора. Наконец, на этой основе мы строим гипотезу относительно функции разделения на правых и левых, гипотезу, которая одновременно позволяет объяснить причину всеобщего распространения этой оппозиции.

Позволительно думать, что своей всемирной популярностью она обязана уникальной способности не столько выражать, сколько воплощать противоречия демократического мира. Противоречия специфические, поскольку они рождаются из общих принципов и спланивают те самые позиции, какие сталкиваются. Демократия — это одновременно и разделение, и единство: единство принципов, принимаемых всеми, разделение в способах их выражения. И разделение, и единство живут внутри каждого из нас, точь-в-точь как правое и левое. Это-то и сообщает подобному разделению его изумительный символический потенциал. Не одну тысячу лет тело человека использовалось для символического изображения внутренней связи частей политического организма. Но оно предоставляло

и другую возможность — возможность символически обозначать взаимодополняемость противоположностей. Весьма вероятно, что разделение на правых и левых обязано своей огромной популярностью именно этой способности связывать антагонизмы, являющиеся неотъемлемой частью демократической жизни, с жизнью тела.

Именно добавление этого теоретического аспекта оправдывает новую публикацию работы, которая впервые увидела свет довольно давно, в 1993 году. Три десятка лет спустя она обретает новую актуальность. В самом деле, сейчас только и слышно, что о стирании разделения на правых и левых, которое якобы устарело и которым избиратели все меньше пользуются для определения собственной позиции. По правде говоря, эта проблема вырисовывалась уже в начале 1990-х годов, на фоне такого важнейшего политического события, как распад советской империи и «конец истории», который он якобы повлек за собой. Уже тогда можно было предвидеть дальнейшее. С тех пор тенденция сделалась лишь более явной за счет возникновения множества различных политических сил и партий, которое нарушило прекрасную простоту разделения на два четко определенных лагеря; самый же главный источник беспорядка — это, вне всякого сомнения, развитие так называемого «популистского» протеста и стоящее за ним разочарование во всех предлагаемых партийных вариантах. Во Франции в 2017 году во время президентских выборов Эмманюэль Макрон, кандидат, объявивший себя представителем «и правых, и левых», стал убедительным подтверждением того факта, что старая оппозиция правого и левого больше не отвечает ожиданиям избирателей и что она окончательно устарела.

Действительно ли это так? Сейчас самое время задаться этим вопросом. А для того чтобы его разрешить, не делая скоропалительных выводов, нужно пристально взглянуть в толщу истории, которая скрывается за мнимой ясностью этих понятий, и в процесс их становления. Иначе слишком велик риск принять сиюминутное стечение обстоятельств, каких в истории случалось немало, за структурную трансформацию.

Разумеется, в принципе вполне возможно, что традиционное разделение на правых и левых однажды утратит смысл и будет вытеснено другим или другими. Однако если учесть, какие глубокие символические механизмы лежат в его основе, такая перемена будет предполагать радикальное изменение всех условий функционирования демократии. В этом смысле нет ничего невероятного в том, что происходящие уже несколько десятилетий перемены мирового устройства будут способны произвести столь решительную трансформацию. Но так ли это? Снова повторю, ответ требует анализа, соответствующего серьезности проблемы.

Возьмем хотя бы уже приведенный пример с Макроном. Не погружаясь особенно глубоко в разбор всех обстоятельств, неуместный в этом коротком предисловии, скажем, что самый поверхностный взгляд на становление оппозиции правого и левого показывает: она всегда предполагает активное присутствие третьего члена — центра. Избрание Эммануэля Макрона иллюстрирует правило, сформулированное одним из его предшественников, Валери Жискар д'Эстеном: «Франция желает, чтобы ею управлял центр». Вопрос заключается в том, почему традиционные правые и левые не сумели образовать правый центр и левый центр, которые негласно обеспечивали бы их чередование. Само же по себе возникновение центра, претендующего на преодоление оппозиции между правыми и левыми, не содержит в себе ничего революционного. Между тем центр предполагает существование двух противоположных полюсов; без них он не существует. Конечно, условия функционирования этой системы ориентиров переменились; традиционные самоопределения расходятся с политической действительностью, избиратели, считающие себя левыми, голосуют за правых по причинам, которые им кажутся вытекающими из левых убеждений, а избиратели, считающие себя правыми, голосуют за левых по мотивам, которые им представляются сугубо правыми; случается также, что те и другие соглашаются поступиться своими убеждениями и заключить прагматический союз, но все это не означает, что ориентиры больше не существуют.

Мы вернулись к нашему исследованию именно ради того, чтобы принять участие в этой важнейшей дискуссии. Оно дополнено анализом, призванным ответить на вопрос, который сегодня формулируется так: сохраняет ли смысл деление на правых и левых? Ответ, как нетрудно догадаться из сказанного выше, безусловно положительный. Внимательное рассмотрение обстоятельств, которые могли поколебать, поставить под сомнение или опровергнуть эффективность традиционной оппозиции, показывает в конечном счете их весьма ограниченное влияние. Можно поручиться, что разделению на правых и левых суждена еще долгая жизнь, а быть может, и новый расцвет.

Текст, опубликованный в «Местах памяти», воспроизведен с незначительными стилистическими изменениями и обогащен ссылками на новые работы, вышедшие из печати с тех пор.